

ЗЕРКАЛО
СУДЬБЫ

Д Александр
Радьков
ДИСКРЕТНЫЙ
ПОДХОД
К НАБЛЮДЕНИЮ
ЖИЗНИ

Минск
«Мастацкая літаратура»
2020

УДК 821.161.1(476)-821
ББК 84(4Бел)-44
Р15

Серия основана в 2020 году

Содержание

Выпуск издания осуществлен
по заказу Министерства информации
Республики Беларусь

Предисловие	4
Семья	7
Университет: учеба	38
Армия	50
Университет: работа	62
Правительство	93
Наука	138
Искусство, литература, спорт	167
Послесловие	191

Радьков, А. М.

Р15 Дискретный подход к наблюдению жизни / Александр
Радьков. — Минск : Мастацкая літаратура, 2020. — 191 с. —
(Зеркало судьбы).

ISBN 978-985-02-1986-2.

В книге автор приводит свои точечные, эпизодические впечатления в виде небольших историй, эссе, рассказов об учебе и работе в университете, службе в армии и государственной службе, а также встречах и беседах с известными политиками, руководителями самых разных уровней, учеными, писателями, артистами и спортсменами.

Читатели получают возможность извлечь для себя из этой книги некоторые советы и пожелания, воспользоваться опытом автора для организации своей работы и жизни.

УДК 821.161.1(476)-821
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-985-02-1986-2

© Радьков А. М., 2020
© Оформление. УП «Мастацкая
літаратура», 2020

Предисловие

Меня по жизни всегда сопровождали истории — разные, и веселые и не очень, познавательные или просто яркие, непосредственно из жизни или из книг, газет, журналов. И я ими увлекся. Началось это с детства. В нашей семье росло пятеро братьев, квартира была небольшой, поэтому мы вчетвером жили в одной комнате (самый младший был с родителями, а когда старший брат ушел служить в армию — и его переселили к нам). Думаю, от старшего брата пошла традиция после сделанных уроков, перед сном рассказывать вслух, какие в течение дня в школе произошли смешные, интересные случаи, кому и за что поставили двойку, кого, почему и к кому пересадили. Мы называли это ДСП — двойки, случаи, пересадки. Старший брат — в одиннадцатом классе, младший — в первом. Но все на равных, поэтому кроме учебы надо было наблюдать за жизнью одноклассников и вечером доложить братьям об увиденном и услышанном. И так — каждый день, все годы учебы в школе! Эта воспитанная с детства наблюдательность продолжала развиваться в годы учебы на физмате Могилевского пединститута. Там сфера наблюдений заметно расширилась: общежитие, спортивная секция, строительные отряды, художественная самодеятельность, практические занятия, лекции... Добавились новые друзья, нас учили яркие, колоритные преподаватели.

А потом служба в армии, многонациональная дивизия, укомплектованная парнями из всего Советского Союза. Аспирантура, научная работа, кафедра, деканат, ректорат — и везде я наблюдал, кое-что стал даже записывать.

Преподавать на физико-математический факультет Могилевского пединститута в 1970-е годы пришлось мно-

го молодых талантливых педагогов. Все «горели» наукой, много общались, обогащали друг друга знаниями и наблюдениями. Ежегодно 1 апреля мы проводили «Юмори-ну», готовили весь сценарий и сами выступали на сцене. Умное, начитанное, обладающее первоклассным юмором окружение давало возможность совершенствоваться, приобретать новые знания и пополнять копилку занимательных историй. Они приходили от людей, из книг, оставались в памяти после научных семинаров, конференций и даже после дружеских посиделок. Важно было это все сохранить, и один из способов их накопления — воспроизведение этих запасов на лекциях, на общественных собраниях, в выступлениях с трибун, в кругу родных и друзей.

Коллекция таких небольших, но, на мой взгляд, поучительных историй существенно пополнилась во время моей работы в правительстве и в Администрации Президента. Общение с руководителями нашей страны и других стран, с коллегами — умными, достойными людьми — расширило горизонты жизни, заставило думать и действовать более масштабно. Трудно было везде: и в университете, и в науке, и в правительстве. Но я заметил, что привычка наблюдать за ситуацией, за поведением людей, обращать внимание на оригинальность мышления и особенности поведения коллег во многом тебя поддерживает, позволяет оставаться на уровне требований к тебе, даже каким-то образом защищает в трудные, а иногда и невыносимые минуты.

В силу своих служебных обязанностей мне посчастливилось работать, общаться с учеными, писателями, артистами, художниками — все эти люди нестандартные, мыслящие интересно, часто вообще необычно. И они добавили россыпь историй.

Постепенно я пришел к мысли эти истории записывать, хотя бы для своей семьи. Я видел подобные работы. Например, «Камешки на ладони» Владимира Солоухина. Что-то мне нравилось в сборниках афоризмов, какие-то моменты мне западали во время чтения литературы (разной — от газет до научных монографий), всегда был к месту фольклор. Я стараюсь ссылаться, если помню, где взял тот или иной сюжет. Но если кто-то обнаружит свои сюжеты и не найдет свою фамилию — прошу не обижаться.

Мне видится, что моя коллекция историй многим людям пригодится — для лекций, для подготовки докладов и выступлений, для выработки своего стиля поведения, руководства. Или просто доставит удовольствие как интересное чтение.

Я благодарен всем авторам — создателям этих историй. Они украшают жизнь, и не только мою. Особая благодарность моей жене Татьяне — она первый читатель рукописей и беспощадный критик. Спасибо за внимание к этим историям со стороны моих дочерей: Натальи — профессионального писателя и Юлии — профессиональной тележурналистки. Они непосредственные участники этого проекта.

В советские времена в вузах профессиональное математическое образование базировалось в основном на изучении непрерывных процессов. Однако в жизнь решительно вошли законы квантовой механики с их вероятностными подходами, потом пришла всеохватывающая компьютеризация и потребовались теория алгоритмов, теория игр, математические методы в экономике... На первый план стали выходить методы дискретной математики. Да и жизнь больше соответствует ее законам. Вот и мои истории — это жизнь, но не непрерывно, а дискретно. Так и определилось название книги.

Для удобства чтения, выбора наиболее интересующих читателей тем, я условно разбил текст на части, подразделы. Но читать можно с любого места, с любой истории. И остановиться можно тоже, когда захочется. Можно вообще не читать, ведь ваша жизнь и ваши истории, уверен, не менее интересны, чем мои.

* * *

Первые мои наблюдения жизни, как и у каждого человека, начались с раннего детства. В это время моя мама со своей семьей жила в небольшой деревне Вотня возле Нового Быхова. Эта деревня располагалась на высоком берегу Днепра, на возвышенности, с которой открывался великолепный вид на излучину реки, на заливные луга и живописные берега. Когда-то на этом месте была усадьба (как говорили местные жители, фольварк), вокруг которой располагался парк, и я видел оставшиеся от него аллеи акации, барбариса, сирени. Мы все свободное время проводили около реки, в этих парковых аллеях, в прибрежном лесу. Зимой с крутой горы на больших санях со взрослыми парнями и девочками скатывались вниз на Днепр, его круча была трамплином, и я до сих пор ощущаю ужас от того, что лед под нашей тяжестью мог провалиться. Но не проваливался! Доезжали до противоположного берега.

А весной слышали «канонаду». Это взрывался и трещал лед на Днепре. И особенно красив был ледоход, когда шел «смоленский» лед: все льдины одинаково кругленькие, равномерно распределены по всему руслу, а на них может быть забытая кем-то вещь и даже испуганно лающая собака.

Лето начиналось сенокосом. Все люди, и стар, и млад, выходили на луг. А пойма Днепра в этих местах шириной до десяти километров! И вся она заполнялась белыми платочками женщин, конными косилками, потом стогами. На ночь многие оставались на лугу, чтобы не терять время, максимально использовать погожие дни. Берег Днепра украшался гирляндой костров, слышались песни,

смех, плескание купающихся. Сенокос в деревне был настоящим праздником.

Осенью мы собирали орехи: лещину вдоль Днепра и чилим в Днепре. Много было грибов, но особенно запомнились рыжики.

Наша бабушка «промышляла» самогоном, тем более что «крыша» у нее была надежной — зять служил в милиции и был участковым инспектором в этих же местах. И оценивал качество этого тешиного продукта очень высоко.

Со временем бабушка стала терять вкусовые ощущения и привлекала к процессу самогонварения меня. Моя семья к тому времени перебралась жить сначала в Новый Быхов, потом в рабочий поселок Красная Беларусь. Родились еще мои братья Михаил, Николай и Виктор. Меня оставили жить с бабушкой Евдокией. Когда гонят самогон, то вначале его крепость высока, его и называют первачем. Но постепенно градусы снижаются и начинает идти практически вода. Поэтому в конце процесса самогон надо «дегустировать». Вот здесь бабушка и использовала мои еще «свежие» вкусовые рецепторы: давала с ложечки попробовать текущую из краника жидкость, а я принимал решение о продолжении процесса или его завершении.

Только со временем, уже ректором университета, я понял, в каком месте родился и где прошли первые семь лет моей жизни.

В моем университете работал известный ученый-археолог Вячеслав Федорович Копытин. Он занимался изучением древних поселений людей в Верхнем Поднепровье и знал, что я родом из Вотни. Рассказал мне, что эта деревня внесена во все мировые археологические каталоги. И вот почему.

В 1842 году в Новом Быхове стоял полк царской армии с очень образованными офицерами. Они заметили, что на горе, где расположена Вотня, есть курганы. Догадавшись, что это древние захоронения, офицеры профессионально произвели раскопки. И обнаружили в этих курганах золотые арабские монеты, деньги времен киевского князя Владимира Красное Солнышко. А это X век! Значит, уже в те времена моя Вотня была заметным местом важнейших торговых путей.

Мы как-то говорили с Президентом Беларуси А. Г. Лукашенко о том, что он регулярно приезжает в свою деревню Александрия, чтобы постоять на высоком берегу Днепра. Просто молча постоять. Он знал, что я тоже родом с Днепра и навещаю свою Вотню, чтобы непосредственно подпитаться красотой и величием этих мест, вернуться в яркое и счастливое время детства, убедиться в вечной мудрости и основательности окружающей нас природы.

Родные места притягивают всех.

* * *

Наша мама любила рассказывать историю, непосредственно связанную с Иосифом Сталиным. Ее отец, наш дедушка Евдоким Свиридович Дергачев, служил на Балтийском флоте и со своей семьей долго жил в Кронштадте. Климат там холодный, сырой, и моя мама, тогда маленькая девочка, заболела ревматизмом. Родители очень переживали, пытались ее вылечить, но тщетно. И тогда кто-то из их друзей подсказал написать письмо Сталину и попросить у него путевку в Крым. Все считали, что сухой и жаркий воздух на этом полуострове уж точно излечит девочку. Родители мамы опасались такого поступка, но болезнь не уходила. Выхода не было, решили написать.

И каково же было изумление и радость, когда пришел ответ: путевка в Евпаторию на два месяца, в специальный детский санаторий. Этот курс лечения оказался действенным — мама быстро поправилась. Так что и она, и мы, несмотря ни на что, должны быть благодарны Сталину и его помощникам — все ведь могло сложиться в нашей жизни совершенно по-другому.

* * *

По маме я из известного на Быховщине рода Дергачевых — коммунаров, партизан, военных. Мы помним и чтим всех, кто воевал, кто сложил свою голову за нашу счастливую жизнь. Но особое место в родовой военной истории занимает героический поступок Евгении Свиридовны Дергачевой. До войны она окончила три курса медицинского института и, оказавшись на занятой врагом территории, сразу ушла в партизанский отряд, бази-

ровавшийся в районе города Корма Гомельской области. В 1942 году в воздушном бою в этих местах был сбит наш самолет, летчик Геннадий Бормошенко спустился на парашюте, но был тяжело ранен. Евгении Дергачевой поручили его выхаживать, их спрятали в глухой деревушке. Молодые, красивые — они полюбили друг друга. И Геннадий пошел на поправку. Но их выследили полицаи, положили немцам. Женю успели об этом предупредить, она уложила летчика на повозку, прикрыла сеном и повезла в другую деревню. Однако их уже ждали фашисты...

Допрашивали партизан жестоко: били, пытали. Немцам нужны были сведения о дислокации партизанских отрядов, о количестве и базировании летных частей Красной Армии. Молодые люди выдержали все пытки, не проронив ни слова. Их расстреляли за околицей деревни Журавичи Рогачевского района.

Этот подвиг Е. Дергачевой и Г. Бормошенко, мужественных бойцов — в народной памяти. На месте их расстрела — обелиск. Мы часто там бываем и видим, как бережно ухаживают за могилой местные жители.

* * *

Мое школьное детство прошло в поселке Красная Беларусь Быховского района. В этих местах в годы Великой Отечественной войны долгое время (1943—1944) стоял фронт. Мы, мальчишки, знали это и часто находили там патроны, мины, снаряды, оружие, причем все это было еще пригодным.

Если находили неразорвавшийся артиллерийский снаряд, тащили его на удобное место, разводили над ним костер и ждали взрыва. Сами в это время прятались в каком-нибудь окопе-углублении. И это-то не все! Если костер догорал, а снаряд не взрывался, мы всей гурьбой шли к костру и подбрасывали в него новые ветки...

* * *

Мой отец, тогда участковый инспектор, позвал друга моего старшего брата Володи Виктора Глушакова и сказал:

— Витя! Я знаю, что ты из леса принес домой патроны, гранаты, мины. Накопал в местах, где в войну фронт

стоял. Не шути с этим, сдай все мне, иначе я тебя привлеку к уголовной ответственности.

Отец у таких пацанов был в авторитете, Витя подчинился и принес целый мешок этого «добра». Отец ссыпал его в таз, оставил в коридоре и, похоже, забыл про эту историю. Он же опасные припасы изъяс!

Мы таз быстро обнаружили и стали в нем копать. Мама, увидев это, пришла в ужас. Тут же его схватила и высыпала содержимое в уборную, которая стояла во дворе метрах в двадцати от дома. Узнав об этом, отец встретился, но не переносить же «домик» по этой причине. Тем более, Витя божился, что все гранаты и мины разрядил. Не знаю, не знаю... А «домиком» этим все мы до сих пор пользуемся, когда приезжаем в родительский дом.

* * *

В свое время участковые инспекторы были вооружены пистолетом ТТ. Такой был и у нашего отца. Он постоянно носил его на поясе в кобуре, а на ночь клал под подушку. Бывало, что в подпитии ему хотелось пострелять из этого табельного оружия. Он выходил на крыльцо и пулял в воздух. Признаться, мы настораживались от такой его выходки, а мама так и вовсе переживала.

Но наутро отец уже выглядел по-другому, явно виноватым и откровенно озадаченным. За патроны ведь надо было отчитываться. Тогда он обращался к нам. Патроны от автомата ППШ подходили к пистолету ТТ, а этих «автоматников» у нас были запасы основательные. На местах бывших боев мы их накопили немерено. Желтенькие, блестящие, заботливо смазанные маслом, они полностью восполняли потери боеприпасов после ночной стрельбы.

По молчаливой договоренности, мы решали каждый свои задачи: отец постреливал, а мы постоянно пополняли его и свой арсенал.

* * *

Летом, после восьмого класса, я с друзьями записался помогать геодезистам. Двое молодых парней и две симпатичные девушки снимали на карту окрестности Красной Беларуси. В наши обязанности входила подготовка

просек и установка в обозначенных точках двухметровых реек-линеек. После этого геодезисты нивелиром или теодолитом делали соответствующие отметки. С тех пор я понял, как дорого стоят эти изыскания и почему фашисты, отступая перед натиском Красной Армии, взрывали все геодезические вышки и реперы. По этим знакам устанавливались точные координаты, и по ним можно всегда восстановить или уточнить карты местности. Один из таких реперов (вкопанный в землю рельс) мы искали в лесу трое суток. На старой достоверной карте он был указан, но на этом месте была стоянка партизанского отряда, похоже, ее бомбили немцы, она была вся в воронках, поэтому репер мы так и не нашли.

Еще одну историю нам поведали эти же геодезисты. В 1941 году всех удивила географическая осведомленность немцев. Оккупанты знали все дороги, включая проселочные и уже всеми давно забытые. Откуда такие сведения? Через шпионов? Оказалось все проще. Нашу местность на карту нанесли немецкие специалисты еще во времена Екатерины II. И, конечно, они эти карты забрали с собой в Германию.

Во время этой же экспедиции я вступил в молчаливый диалог... с гадюкой. В тот день мы снимали план местности на старых торфяных карьерах. С пятью геодезическими линейками-рейками мы должны были стать по всему карьеру. Я был вторым, и пока мои друзья добирались до отведенных им мест, присел на торфяной бруствер, расставил ноги и между ними поставил линейку. Лето, солнце, тепло... Я просто расслабился. И вдруг вижу, что у меня прямо из-под ног выползает толстая, длинная гадюка. Мы росли в лесу, всех змей знали и легко различали ужа, медянку, гадюку. И любая змея, даже неядовитая, нас настораживала, а гадюка просто пугала. Мы знали последствия ее укуса, потому что на наших глазах она напала на соседского мальчишку Сашу Шайкова. Мы ее перед этим дразнили, а потом у нее же на пути сели собирать бруснику. Змея Сашу укусила за руку. Рука сразу стала опухать, чернеть, напугались мы серьезно.

И вот я сижу, а буквально из-под меня выползает эта «лента» с ромбовидными узорами на спине. На мгновение я оцепенел: трогать ее опасно, хотя ударить змею рейкой я могу. А если не успею? Я в полукедах, она сразу

укусит меня в голую щиколотку. А гадюка продолжает медленно выползать и, оборачиваясь, смотрит мне в глаза: ты меня не трогай, и я тебя не трону. Я физически ощутил ее предложение мирно разойтись. Согласился с ним. И гадюка это поняла! Так же спокойно от меня отвернулась и продолжила свой путь.

Это лето мне запомнилось.

* * *

Перед нами, учениками десятого класса, попросили выступить приехавшего на зимние каникулы выпускника нашей школы, курсанта Черноморского высшего военно-морского училища им. П. С. Нахимова Александра Азаренко. Он пришел в форме: подогнанная по фигуре черная шинель с золотыми погонами и нашивками, шапка-ушанка с кокардой «крабом», черные брюки, морская рубашка, а под ней тельняшка. Глаз не оторвать! Мы, мальчишки, от зависти замерли, а у девочек откровенно загорелись глаза. Но Саша вдруг заявил, что ошибся с выбором профессии. Мы были ошарашены, а он продолжил, что очень любит лес, в котором, можно сказать, вырос. Если бы снова пришлось выбирать себе будущее — пошел бы учиться на лесничего.

Он нас всех «приземлил», помог более основательно, как теперь говорят — прагматично, отнестись к выбору профессии. Такой контраст между внешней формой и внутренним, естественным, искренним желанием меня тогда поразил. И запомнился!

Александр Азаренко впоследствии служил на Северном флоте, командовал палубной артиллерией, дослужился до капитана первого ранга. Но его пример я часто приводил, когда выступал перед выпускниками школ.

* * *

С семьей Струковых у моих родителей были дружеские отношения. Михаил Иванович Струков — летчик-фронтовик, был сбит, его самолет горел, он чудом остался в живых. Полученная контузия иногда проявлялась: он вдруг будто взрывался, становился агрессивным... Работал в районной газете «Маяк Приднестроуя»

фотокорреспондентом. Его фото, где сквозь каску погибшего бойца проросла березка, было опубликовано во всех крупных газетах и отмечено многими наградами. Правда, мы все знали, что березку, вставленную в каску, придерживала его жена Мария Иосифовна — учительница русского языка и литературы, близкая подруга нашей мамы.

У Струковых было двое детей — красавица Татьяна и подвижный, дружелюбный сын Саша. Саша, можно сказать, жил с нами. Нас было пятеро братьев, и ему среди нас было интересно, да и мы к нему относились хорошо.

Но после восьмого класса он решил поступать в Пинский техникум на специальность геолога. Моя мама была против, она считала, что ребенок до окончания средней школы должен жить с родителями. К сожалению, оказалась права. Саша попал в плохую компанию, участвовал в какой-то краже, был осужден и сел в тюрьму. Его родители переживали, но Михаил Иванович при этом сказал:

— Ну что ж, и Ленин сидел в тюрьме.

* * *

Мои родители воспитывали пятерых сыновей. И все мы пять братьев никогда не задумывались о наличии сестры. Даже разговоров об этом среди нас не было. А вот родители, как потом мы узнали, очень хотели девочку. Но после рождения пятого сына пришли к мысли, что к такому пополнению семьи надо идти другим путем. И в это же время (в 1962 году) разразился Карибский кризис. По нашему поселку прошел слух, что с Кубы привезут детей и будут раздавать их по семьям. Отец подумал и записался на девочку.

Эту историю от нас родители почему-то скрывали, я, например, узнал об этом от мамы, когда уже работал министром образования.

* * *

Семья — модель общества. Чем больше семья, тем лучше модель. Именно здесь с детства формируются, закрепляются основные правила отношений между людьми: подчинение, взаимодействие, уважение. Причем лучше

всего это происходит в кругу детей при правильном воздействии, руководстве родителей.

Старший ребенок, у нас это старший брат, вынужден рано взрослеть. Он становится первым помощником родителей, и его детство короткое. Младший ребенок, у нас это младший брат, обычно заласкан, его все опекают, балуют. Лучше всего в таком случае быть между ними. Я, например, второй. И мне постоянно надо было увораживаться от старшего брата и при этом успеть ткнуть младшего. Настоящая, ежедневная модель жизни. Она реально закалила, подготовила к разным ситуациям по мере вхождения в общество. Поэтому мне достаточно комфортно было и в школе, и в студенческой группе, и в стройотряде, и в армии, и в трудовых коллективах. Семья, братья воспитали, научили правильно находить свое место среди людей, интуитивно определять тех, кому надо уступить, и тех, кому надо подчиниться, но не дать себя сломать.

Кстати, у нас, пятерых братьев, все сложилось точно по указанной схеме. Старший, Владимир, рано повзрослел, возмужал и по жизни был более жестким, более рискованным. Младший, Виктор, действительно маленький сынок. Он всегда ждал от нас, старших братьев, внимания к себе, совета, поддержки. А мы трое, средние, я, Михаил и Николай, получили в семье оптимальную подготовку для жизни среди людей.

Важно еще, чтобы старший ребенок хорошо учился. Тогда для всех остальных детей учеба становится обязательным, естественным аспектом жизни. И наш старший брат хорошо учился в школе. Может быть, поэтому он сам стал директором нашей родной школы, Михаил — известным в стране врачом, Николай — директором Горской средней школы, а Виктор — директором Быховского лицея.

* * *

Моя мама читала всю жизнь. Им с отцом, как фронтовикам, давали возможность подписываться на любые периодические издания. Почтальон приносил нам каждый день полную сумку газет и журналов, и мы все читали. Газеты: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда», «Советская Белоруссия», «Литературная газета», «Знамя

юности», «Зорька», «Пионер Беларуси», «На страже Октября». Журналы: «Новый мир», «Москва», «Октябрь», «Дружба народов», «Иностранная литература», «Роман-газета», «Юность», «Крокодил», «Мурзилка», «Веселые картинки», «Советская милиция», «Наука и жизнь», «Знание-сила», «Техника — молодежи», «Огонек», «Смена». Сейчас трудно поверить, но это правда! Всю периодику первыми просматривали родители, потом она переходила нам. Но мама всегда что-то рекомендовала для обязательного прочтения. Со временем, уже из институтской библиотеки, я регулярно возил ей книги: и студентом, и преподавателем, и ректором. О ее увлечении знали все: соседи, знакомые, дети, внуки. А когда маме исполнилось 80 лет, ее внучка Наташа Игнатенко привезла ей две большие корзины. В одной были московские конфеты, а в другой — современные книги. Мама была счастлива от этих подарков, но больше всего благодарила Наташу за книгу И. Хакамады «Секс в большой политике».

* * *

Стригла маму моя жена Татьяна. Ее приезда мама терпеливо ждала, иногда довольно долго. Длинные волосы не любила и просила постричь ее «под Хакамаду».

* * *

Мы знали, что маме оставалось жить недолго — время исчислялось неделями, навещали ее и всегда видели на тумбочке, на столе, в кровати книги, чаще всего раскрытые. А по приезду в очередной раз рядом с ней не увидели ни одной. Татьяна спросила:

— А где книги? Вы не читаете?

— Татьяна, — ответила мама, — я уже все прочитала. Через неделю мама умерла.

* * *

Дорога из Быхова в поселок Красная Беларусь, где жили мои родители и прошло наше детство, шла, огибая громадный аэродром, где дислоцировались в советские времена знаменитые ракетноносцы ТУ-22. После развала

Советского Союза авиационная дивизия перебазировалась в Россию, аэродром стал приходиться в запустение. Мы его видели только издали, со стороны дороги, но знали его масштабы и возможности. Он мог принимать любые типы самолетов и был даже резервным при полетах космического челнока «Буран».

Дорогу на Красную Беларусь закрыли на ремонт, и нам разрешили ездить... через аэродром. Вот тут мы воочию поразились его масштабами — две взлетно-посадочные полосы более трех километров длиной каждая, рулежные дорожки, ангары для самолетов и площадки для их стоянок, бетонки для подвоза ракет, бомб (в том числе и с ядерными боеголовками). Выехав на аэродром, мы тут же заблудились. К счастью, заметили впереди машину и решили двигаться за ней. Но она стала вдруг резко набирать скорость, уходить от нас. Понимая, что одним нам с этого громадного аэродрома не выбраться, мы тоже прибавили. Тогда машина впереди стала сворачивать на боковые дорожки, скорости не сбавляла, и нам стало казаться, что от нас хотят оторваться, людям в этой машине не нравится наше преследование. Но мы действительно окончательно заблудились, без помощи посторонних выехать уже не могли и решили все-таки эту машину нагнать.

Когда водитель передней машины понял, что от него ему не уйти, он остановился и медленно опустил боковое стекло. Выглядел он крайне испуганно. Пришел в себя только тогда, когда мы спросили, как выехать с аэродрома в сторону деревни Ямное. Пока он нам рассказывал, как надо ехать, мы заметили рядом с ним красивую, но тоже очень взволнованную женщину и вдруг сообразили, что это не его жена. А мы ведь за ним так гнались! Невесть что можно было подумать.

Показали они нам выезд с аэродрома правильно.

* * *

Бывало, моя жена Татьяна уезжала в длительную командировку. Тогда все домашние обязанности полностью переходили ко мне. Я добросовестно следил за детьми, регулярно готовил еду и мыл после этого посуду, протирал пыль, поливал цветы, старался поддерживать

порядок. Тем не менее квартира медленно, но неуклонно, превращалась в казарму.

Все-таки по жизни уют — за женщиной.

* * *

Старший брат Владимир, директор нашей родной школы в поселке Красная Беларусь, приехал в Могилев по своим делам, остановился у нас дома. Мы с женой были ему рады, Татьяна сделала ужин, мы выпили за встречу, и началась беседа очень близких, родных людей. Через какое-то время Татьяна, решив оставить братьев одних, ушла в соседнюю комнату. Понятно, что мы продолжали выпивать, но при этом заметили странную особенность: как только я брал в руку бутылку, Татьяна стучала в стенку и громко призывала нас остановиться — завтра на работу! Мы разговариваем — никаких сигналов от нее, как только я за бутылку — сразу стучит.

Брат ошарашенно спрашивает:

— Она что, видит через стенку?

Мы так и не поняли этих способностей у Татьяны, решили спросить. Она засмеялась:

— Все просто! Я слышу через стенку: бу-бу-бу — разговаривают. А потом вдруг тихо — значит, наливают.

* * *

То ли до этого я дошел сам, то ли мне подсказали, но с какого-то момента я понял, что каким бы ты ни был быстрым, есть люди быстрее тебя; каким бы ты ни был красивым, есть красивей тебя; каким бы ты ни был сильным, есть сильнее тебя; каким бы ты ни был умным, есть умнее тебя!

Это так помогало в жизни!

* * *

Запал с юности и на всю жизнь девиз, по которому жил Оливер Кромвель: «Дальше всех заходит тот, кто не знает, куда идти!»

* * *

У моего старшего брата, директора школы, случился легкий флирт с учительницей английского языка (по словам нашей мамы — с «ай-лав-юшкой»). Об этом стало известно его жене Елене, и она выставила его за дверь.

Утро. Мама выходит из дома и видит сидящего на крыльце с чемоданом своего старшего сына. Спрашивает:

— Лена выгнала? Рассказали про «ай-лав-юшку»?

Брат сокрушенно кивает головой.

Мама продолжает выяснение обстоятельств:

— И ты что, во всем признался?

Брат опять потерянно кивает головой.

Мама наставляет его, хотя бы на будущее:

— Дурак! Землю грызи, но говори, что ничего не было!

* * *

Мой брат Михаил — врач-гинеколог — рассказывал мне то ли анекдот, то ли бльз из своей практики.

Мужьям разрешили присутствовать на родах. Далеко не все на это соглашались, но один парень решился. Когда начался финальный процесс, он не выдержал, упал в обморок. А когда его привели в чувство, спросил:

— Роды закончились? Все в порядке?

Ему врачи ответили:

— Да, все хорошо, у вас девочка!

Он так обрадовался:

— Слава Богу! Хотя не будет так мучиться!

* * *

Мой четвертый брат Николай после женитьбы изначально жил материально более обеспеченно, чем мы. Родители жены даже помогли ему купить легковую машину «Москвич», о чем мы не могли и мечтать. Он часто на ней приезжал в Красную Беларусь, с гордостью нам показывал, ухаживал за ней, лелеял. Мы все, особенно младший брат Виктор, за всем этим с завистью наблюдали. Со временем «Москвич» поизносился и Николай, опять же при поддержке родителей жены, решил эту машину продать и купить новую. Мы и к этому времени не могли еще позволить себе такую покупку.